

Искусство

Лариосик, расставшийся

Смена - с. 115, - 1996. - 24 Янв. - с. 7.

С иллюзиями

Герои Валерия Дегтяря словно пришли к нам из сказочной вселенной - светлой, прозрачной, простодушной

такль "Недомерок" Александра Белинского). О себе ли прежнем сокрушался Тибо, сам появившийся когда-то житомирским недомерком в доме Турбиных, о своем ли прошлом величии грустил, ведя по жизни храбро и сильно непосредственную (чем и сильны) девочку Недомерка? Он тоже очень душевный человек, этот

Тибо, но - малый не промах, успеет везде. Пройдя огонь, воду и медные трубы, житомирский кузен превратился в Тибо Заккина - надежную опору для всех неудачливых поэтов и мечтателей, не умеющих в отличие от него взглянуть на жизнь трезво.

Не слишком давно шел по

телевидению спектакль по ибсеновскому "Привидениям". И глядя на Освальда Альвинга - Дегтяря, я осознала внезапно, что по сути эта роль - в своем роде отражение его сегодняшнего актерского состояния. За внешней твердостью - прежняя детскость, неуверенность и мягкость; боязнь остаться с жизнью один на один. Отсюда подозрительность и боль. Постоянно озираясь и вздрагивая, ходил Освальд по своему дому. Страх и смятение поселились в его душе вместо оправдавшихся надежд. Думаю, что если бы и Тибо Заккин, и надменный хозяин замка Фредерик из "Приглашения в замок", и даже светская бабочка Гастон Рье как-нибудь заглянули себе в душу, оставшись без свидетелей, то обмякли бы внезапно и, оглянувшись, пустились со всех ног обратно в дом Турбиных, к спасительным кремовым шторам, где тепло и уютно.

У Рассказчика из "Самоубийства влюбленных на острове Небесных Сетей" (режиссер Владислав Пазы) на лице маска - застывшее горькое, снисходительное сочувствие. В его руках все ниточки, сшивающие спектакль, сплелись в одну. Обманчиво плавные жесты, обманчиво тихий голос вызывают к жизни и тревожный барабанный стук, и лягушачье кваканье, и крик неведомой птицы, и вообще - поддерживают жизнь. Он следит за героями так внимательно: и рад бы помочь, да не может, поскольку в эту жизнь ему - целому веку со стороны - дорога заказана. Но он живет одной со спектаклем жизнью, в спектакле живет его душа - скорбящая о невозможности счастья на Земле для двух влюбленных. "Эти свободные бабочки" -

необязательный, казалось бы, рядовой спектакль, поставленный Дмитрием Астраханом в "Комиссаржевке". Среднеякая американская мелодрама, ничего не дающая уму, но так много говорящая сердцу.

Неуверенная, напряженная улыбка, робкие движения в поисках мифической почти опоры. Но в остальные минуты радость появляется на лице - и счастливо смеется, закинув голову, слепой мальчик по имени Дональд Бейкер, "малыш Донни, победивший мрак", отчаянно борющийся за свое место под солнцем, которого он никогда не видел.

Ущербности в прямом смысле слова в нем нет ни следа. "Знаешь, мне кажется, хоть ты и слепой, а видишь больше нас, зрячих", - что-то в этом роде говорит ему девушка Джил.

Может быть, вообще место малыша Донни - на Луне, вместе с Незнайкой и Пончиком, где можно усесться на краю, болтать ногами и есть вкусные пряники, иногда поглядывая вниз, на живущих на далекой Земле?

"Я слабый!" - кричит отчаяно после неудавшейся попытки стать незлым Дональд Бейкер, и в этом крике слышится безысходное: "Я никому не нужен!"

"Я хочу домой, мама. Я поеду домой". И смотрит незрячими неподвижными глазами, стоит, как будто окаменев. Всегда живые, подвижные руки повисли устало, ненужно. Поникли безнадежно плечи: совсем маленький, беззащитный малыш Донни. И хоть Дегтярь намного старше своего героя - это ничего: в нем всегда живет Лариосик. Потому так реальны страдание и радость не успевшего вырасти малыша Донни. Разве

что настороженности в нем больше, чем обычно. Он еще многого про жизнь не знает, этот Донни, но когда узнает - поторопится отойти в сторону, поскольку уже всем по горло сыт. И будет тщательно выговаривать слова, обдумывая смысл, хотя раньше умел говорить без умолку.

Князь Лев Николаевич Мышкин слова в спектакле "Идиот" тоже произносил старательно напряженно, как бы через силу, но с глубоким, от внутреннего равновесия идущим убеждением. "Я люблю вас, Настасья Филипповна, я умру за вас, я никому слова про вас не дам сказать", - выпаливал скороговоркой, чуть даже задыхаясь, с невероятной покорностью. И застывал, обомлев от собственной смелости. Ходил он по сцене как-то принижено, будто говоря окружающим: мол, вы извините, дорогие мои, я тут быстро, вы не обращайтесь вниманием-то. И проскальзывал бочком, становясь в сторонку. И был совершенно не нужен ни этим обезумевшим людям, ни спектаклю, в котором от Достоевского осталось только название и фамилия автора. Но в данной ситуации и князь Мышкин, и артист Дегтярь равно честны - и как-то договорились между собой: самоустрашиться и не мешать. А помощи и не ждут вовсе.

Проблема в чем: князь Мышкин приходит в этот мир умирать. Герои Дегтяря приходят жить. И это занятие, несмотря на всю трудность осуществления, им положительно нравится.

Мимо Дегтяря с ужасающей скоростью проплывает Чехов - как мне кажется, его автор. Он мечтает сыграть Иванова. Надеюсь, что сыграет. В конце концов несыгранные роли артиста - наши, зрительские потери, потому что "актер и публика взаимно творят друг друга" (В.В. Розанов. "Из мыслей зрителя").

Алла БРУК
Фото Виктора ДЮЖАЕВА

В МОИХ полудетских воспоминаниях о Театре Комиссаржевской сохранился трогательный смешной мальчик с неловкими руками и широко распахнутыми в мир глазами - голубыми и безмятежными. "Вот я и приехал. Со звонком что-то у вас сделал", - говорил он, как-то стеснительно сутулясь и крепко прижимая к груди узелок с небогатыми пожитками, цепляясь за него, как за спасательный круг. Различные недоразумения случались с мальчиком непрерывно: ломался звонок, летела на пол посуда; и движения у мальчика были какие-то судорожные, угловатые от постоянной готовности к неудачам. Но не было суетности в чередности слов и поступков. Была удивительная, где-то глубоко и навсегда поселившаяся уверенность в изначальной справедливости мира, в котором он обитал и который был так неуютен, так суров к нему. На этот мир он не сердился, а рассматривал его с неподдельным интересом и изумлением. Радовался этому миру, покорно, безропотно принимал все пинки и тычки, ему достававшиеся от жизни. Таким был этот житомирский кузен Ларион Ларионович Суржанский (он же артист Валерий ДЕГТЯРЬ) из спектакля Рубена Агамирзяна "Дни Турбиных".

... ЧЕРЕЗ много лет, в ноябре 1995 года, в том же Театре Комиссаржевской давали очередную премьеру - "Игрока" Достоевского. Среди прочих абсолютно ненормальных, утраченных человеческий облик людей бродил по сцене один - до неприличия нормальный, одинокий, усталый, печальный человек. Какое-то потустороннее, даже слегка злое существо. Маленький грустный Воланд с мягким английским акцентом и всезнающим взглядом пожившего и будто бы лишнего человека. Бывший Лариосик приобрел европейский лоск, заметно выправил осанку, пообтесался в продолжительных странствиях по жизни и, повзрослев, окончательно и бесповоротно утратил иллюзии, обменяв их на усталость.

Когда-то ныне заслуженный артист России Валерий Дегтярь переиграл на ленинградском телевидении несметное количество сказок. Я их не помню. Но отчетливо вижу актера в роли Иванушки, например. Не Ивана-дурака, а именно Иванушки. Ведь недаром он сам убежден, что его звездная роль - Пончик из детского спектакля "Незнайка на Луне". Сказочная вселенная светла, прозрачна и простодушна, и в этой вселен-

ной обитают настоящие герои Дегтяря, откуда они пришли к нам.

Иные времена - иные сказки. В наследство от прежних времен Дегтярю остались угловатость и порывистость движений, сменяющиеся теперь по мере надобности плавной, изящной стремительностью, идущей неизмеримо больше его новым самостоятельным и умеренным в чувствах героям.

Гастон Рье из "Дамы с камелиями" - верх изящества и лицедейства. Видеть это виртуозно скользящее по жизни, беззаботное и гадкое, но очаровательное существо - одно удовольствие. Ходить - медленно, степенно - этот салонный завсегдатай не умеет совершенно, соприкосновение с землей при ходьбе сведено до минимума. И в мыслях, судя по всему, у него "легкость необыкновенная", но как хитер, как остроумен и как - в глубине души - ко всему и всем безразличен! А когда-то бесхитростность являлась главным козырем славных незадачливых неумех, вроде Лариосика или даже Клеонта из последнего агамирзяновского спектакля "Полоумный Журден": маленького человечка со вставшими в чужую минуту дыбом и так на всю жизнь и оставшимися во-

лосами - шутка, сотворенная гримером, вероятно, но так шедшая ко всему облику этого нестойкого, оловянного от ужаса солдатика, словно оцепеневшего от встречи с трудностями окружающего мира. Ему жизнь тоже давалась мучительно трудно; умишком этот Клеонт, видать, был не силен, но уж больно наивен и трогателен. ("Вы трогательный человек, Ларион".) До смешного.

Валерий Дегтярь - ученик Рубена Сергеевича Агамирзяна. Видимо, до конца только Агамирзян, взявший его к себе на курс и вырастивший, понимал, что нужно артисту Дегтярю.

"Ты сама не понимаешь своего величия!" - сокрушенно вздохнув, говорил своему Недомерку, отправляясь в дальнюю дорогу, Тибо Заккин (спек-